

КОНСТИТУЦИЯ И РОССИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО: ПОЛИТИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ

Д. В. Доленко

В статье рассматривается роль Конституции Российской Федерации в политическом развитии государства; анализируется соотношение политической модернизации и исторической преемственности в ее содержании; обосновывается вывод о завершении конституционного перехода от социалистического к демократическому правовому государству; показывается преемственность конституции по отношению к политико-правовому опыту российского государства имперского и советского периодов.

Ключевые слова: Конституция, Российское государство, политическая модернизация, историческая преемственность, демократическое государство.

CONSTITUTION AND RUSSIAN STATE: POLITICAL MODERNIZATION AND HISTORICAL CONTINUITY

D. V. Dolenko

This article examines the role of the Russian Federation Constitution in the political development of the state. The author analyzes the correlation of political modernization and historical continuity in its content. The author justifies the conclusion that the constitutional transition from a socialist to democratic state has completed and shows the continuity of the constitution in the context of the political and legal experience of the Russian state of the Imperial and Soviet periods.

Keywords: Constitution, Russian state, political modernization, historical continuity, democratic state.

Принятие Конституции Российской Федерации на всенародном референдуме 12 декабря 1993 г. является важнейшим этапом в процессе политической модернизации государства, сущность которой – переход к демократии. Началом этому процессу было положено еще в советский период в процессе политической перестройки – радикальных реформ, целью которых было объявлено соединение социализма с демократией. Они способствовали росту и активизации гражданского общества, которое становилось важным фактором радикализации этих реформ и обострения борьбы как в обществе в целом, так и внутри политической элиты. Одним из ее последствий стали острые политические кризисы.

Первый такой кризис, связанный с конфликтом внутри правящей элиты, привел к срыву подписания Союзного договора 1991 г., а затем – заключению Минского (Беловежского) соглашения о прекращении существования СССР. Второй масштабный политический кризис уже в рамках российской политической элиты назрел в 1993 г. и был связан с противостоянием между президентом и Верховным Советом. Он разрешился силовым, неконституционным способом: Верховный Совет был распущен, его руководители арестованы, а вся политическая власть в стране перешла к президенту, его администрации и правительству.

При этом в стране налицо были легитимный и конституционный кризисы:

© Доленко Д. В., 2014

власть была получена неконституционным путем, и таким же путем были внесены изменения в саму Конституцию страны. Что же касается проекта новой Конституции, подготовленного комиссией Верховного Совета, то после роспуска последнего он остался не востребовавшимся. Другой проект был разработан администрацией президента, чья легитимность вызывала сомнение у значительной части общества.

В таких условиях единственным правомерным выходом из затянувшегося политического кризиса могло быть только принятие Конституции на всенародном референдуме. Принятие 12 декабря 1993 г. Конституции РФ позволило разрешить конституционный кризис, а также сформировать легитимный представительный орган власти и создать правовые основы для дальнейшего политического развития.

С точки зрения содержания, Конституция осуществила радикальную конституционно-правовую модернизацию, ставшую основой настолько же радикальной политической модернизации государства.

На конституционно-правовом уровне произошел переход от социалистического государства к современному, определяемому Конституцией РФ как «демократическое федеративное правовое» [1, с. 4]. Этот переход является значимым событием в мировой истории: он означал окончание первого в мире революционного политического проекта по созданию коммунистического общества. Составной частью этого проекта являлось создание и развитие уникального социалистического государства, первоначальной формой которого была «диктатура городского и сельского пролетариата и беднейшего крестьянства» [2, с. 199]. После построения основ социализма это государство, согласно Конституции СССР 1936 г., переросло в «социалистическое государство рабочих и крестьян» [Там же, с. 226], а после того как социализм стал «развитым» – в «социалистическое обще-

народное». Это государство строилось на принципах «социалистической демократии», для которой, согласно Конституции, было характерно отрицание всех либерально-демократических институтов – свободных конкурентных выборов, политического и идеологического плюрализма и т. д. Политическая система «социалистического общенародного государства» имела моноцентрическую структуру: единственная партия руководила всеми государственными органами и системой общественных организаций, с помощью которых осуществляла мобилизацию граждан на реализацию поставленных ею задач.

Такая система считалась «подлинной демократией». Однако во второй половине 1980-х гг. правящая партия начала перестройку – реформы, целью которых была объявлена демократизация общества (фактически это означало признание того, что реальное социалистическое общество не являлось демократическим). Сначала она осуществлялась в виде либерализации культурно-идеологической жизни, а затем – проведения конституционных реформ, кардинально изменявших политические институты: отмены статьи о руководящей партии и, следовательно, легализации многопартийности, введения поста президента и т. д. Преобразования проходили и на уровне как союзных, так и автономных республик. Другими словами, в ходе конституционных реформ рубежа 1980-90-х гг. происходила трансформация советской политической системы в современную, базировавшуюся на так называемых универсальных (либерально-демократических) нормах: свободных конкурентных выборах, многопартийности, разделении властей, идеологическом плюрализме. Принятие Конституции РФ завершило этот процесс.

Новое государство базировалось на качественно иных основаниях по сравнению с советским. В экономической сфере Конституция закрепила признание и равную защищенность различных форм собственности, включая част-

ную. Последнее обладало особенной значимостью: институт частной собственности, являющийся неотъемлемым атрибутом всех современных развитых демократических стран, в советском государстве не существовал, а замена ее общественной являлась базовым положением официальной идеологии. В политической и идеологической сферах вместо однопартийной системы и государственной идеологии Конституция установила политическое и идеологическое многообразие; вместо демократического централизма закрепился принцип разделения властей.

Таким образом, Конституция заложила основы качественно нового типа государства, с современными экономическими и политическими институтами, тем самым поставив Россию, с точки зрения ее конституционно-правовых основ, в один ряд с развитыми демократическими странами.

В то же время, осуществив радикальную политическую модернизацию российского государства, Конституция сохранила определенную историческую преемственность. В первую очередь, она была заметна по отношению к досоветскому политико-правовому опыту, достижениям либерально-демократического этапа российской модернизации XIX–XX вв., а также к такому политико-правовому акту, представлявшему основы конституционного государства, как Манифест от 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка». Прежде всего она конституционно в более полном виде закрепила те «основы гражданской свободы», которые были не только впервые провозглашены в вышеупомянутом Манифесте, но и в значительной степени реализованы: свободу слова, совести, политических объединений и т. д. Формально права и свободы человека были закреплены и в советской конституции, но они не предполагали свободы объединения в какие-либо политические партии, кроме коммунистической, и какие-либо общественные объединения, кроме руко-

водимых ею. Свобода слова в СССР не допускала критики самого государства, а политическое инакомыслие преследовалось по закону.

Символично, что в названии одной из палат современного российского парламента Конституция буквально воспроизвела название первого российского парламента – Государственной думы. При этом посвященные ей конституционные нормы представляют собой развитие и конкретизацию положения Манифеста, в котором говорилось о роли Думы в законодательной сфере и контроле за исполнительной властью: без ее одобрения ни один закон «не мог воспринять силу» и «чтобы выборным от народа обеспечена была возможность действительного участия в надзоре за закономерностью действия поставленных от нас [императора] властей» [3, с. 304–305].

В Конституции закреплено, что «федеральные законы принимаются Государственной Думой» [1, с. 45], а в сфере контроля за исполнительной властью в ее ведении находятся дача согласия на назначение председателя Правительства (этого права дореволюционная Дума упорно, но безуспешно добивалась от царя), решение вопроса о доверии правительству, назначение на должности председателей Центрального банка, Счетной палаты, уполномоченного по правам человека и т. д. Принципиально новым моментом в конституционно-правовом и политическом развитии было закрепление за Государственной думой права выдвижения обвинения против Президента РФ с целью отстранения его от должности.

Очевидно, Конституция РФ опиралась на имперский опыт земского самоуправления при установлении института местного самоуправления. В советском государстве вместо него были организованы местные Советы народных депутатов, составлявшие вместе с Верховными Советами союзных и автономных республик «единую систему органов государственной власти» [2, с. 129]. Кроме этого, российская Конституция опи-

ралась также на опыт демократических государств, где местное самоуправление является одним из важнейших базовых институтов, а также на историю Российской империи. В зарубежных странах местное самоуправление, как правило, юридически не отделено от государства, в отличие от земского самоуправления на губернском и уездном уровнях в Российской империи. Конституция РФ, очевидно, продолжила эту традицию, установив, что «органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти» [1, с. 7].

Также в Конституции очевидна и определенная преемственность по отношению к советскому конституционализму. Так, в сфере государственного устройства она опирается не на опыт российской империи, а продолжает советскую традицию, закрепляя федеративное устройство государства. При этом следует отметить, что советский федерализм был сугубо конституционно-правовым феноменом: реальное политическое устройство страны носило жестко централизованный унитарный характер (высшей властной структурой в политической системе была правящая коммунистическая партия, которая строила свою деятельность на основе не федерализма, а «демократического централизма» во всех регионах страны независимо). Однако даже конституционно-правовые основы советской и современной федерации существенно различаются. Первая базировалась на национальном принципе: ее субъектами были национально-государственные образования (союзные и автономные республики, автономные области, национально-автономные округа); области и края в советской федерации считались лишь административно-территориальными единицами. Конституция же, продолжая традицию Федеративного договора 1992 г., закрепила принципиально новую и уникальную модель федерации, включающую два типа субъектов: национальные и территориальные.

Таким образом, формально продолжив советскую традицию федерализма,

Конституция заложила основы качественно новой формы федерации, отличной и от советской и, очевидно, от всех других, существующих в мире. Кроме того, у нас есть основания утверждать, что эта уникальная федеративная модель не осталась лишь формально-юридическим феноменом, а стала реальной, функционирующей.

Определенную преемственность по отношению к советскому конституционализму можно констатировать и в сфере социальных функций. Советское государство было «социалистическим», Российская Федерация – «социальным». Первое подразумевало широкий круг социальных обязательств; политика второго, согласно его Конституции, также «направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека» [Там же, с. 6]. Следует отметить, что понятие «социальное государство» было заимствовано не из советского конституционного права, а из европейского: подобные характеристики впервые появились в XX в. в конституциях Германии, Франции, Испании и др. вследствие тенденции к расширению его социальных функций в условиях рыночной экономики. Логично, что Россия, переходя к рыночной экономике, также закрепила самую современную модель государства в области социальной политики. Кроме того, между социалистическим и современным социальным государством есть существенное различие. Оно заключается в том, что первое было собственником основных средств производства и главным работодателем, тогда как второму приходится осуществлять свои функции в условиях смешанной экономики, а следовательно, использовать иные механизмы реализации своих социальных функций.

Так же очевидна формальная преемственность Конституции РФ по отношению к Советскому государству в области взаимоотношений с церковью. В СССР, в отличие от Российской империи, церковь была отделена от государства, а школа от церкви; РФ, согласно

Конституции, является «светским государством» [Там же, с. 8]. Отметим, что этот феномен не является уникальным достижением советского политико-правового опыта: такая модель взаимоотношений с церковью характерна для большинства современных государств.

Кроме того, между советской и современной моделью светского государства есть принципиальное различие. Советское государство было идеологическим, и необходимо помнить, что атеизм являлся важнейшим элементом его политики. В РФ конституционно закреплен принцип идеологического многообразия, вследствие чего атеизм перестал быть насаждаемым обществом с помощью системы образования и культуры.

В связи с анализом исторической преемственности применительно к Конституции РФ следует отметить, что она в определенном аспекте продолжает политическую традицию как имперского, так и советского периодов, поскольку закрепляет моноцентрическую структуру власти, в рамках которой один институт играет ключевую роль в системе органов власти, обладая самыми широкими полномочиями. В царской России таким институтом был император, который и после появления представительного органа, Государственной Думы, оставался самодержцем, единолично осуществлявшим формирование исполнительной власти, обладавший правом распускать Государственную думу и т. д. В советской политической системе уже на конституционном уровне был закреплен высший политический институт [2, с. 13]. Он осуществлял руководство всеми органами государственной власти, определял перспективу развития общества, «линию внутренней и внешней политики», руководил «созидательной деятельностью народа» и т. д. [Там же, с. 113–114]. В реальной политике роль высшей власти (аналогичную роли императора) выполнял руководитель партии, который, даже не занимая ника-

ких государственных постов, обладал неограниченными полномочиями.

В РФ, согласно Конституции, роль центра власти закреплена за президентом. Именно он выполняет высшие политические функции: во-первых, «обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие органов государственной власти», во-вторых, «определяет основные направления внутренней и внешней политики государства» [1, с. 33]. Президент обладает широкими полномочиями во всех сферах государственной власти: назначает правительство, руководит внешней политикой, является главнокомандующим, распускает Государственную думу, подписывает законы, издает указы нормативного характера и т. д.

Такая моноцентричная политическая система, соответствующая традиции политического развития страны на протяжении большей части ее истории, очевидно, отражала степень зрелости демократических институтов и гражданского общества РФ, а также исторически сложившейся политической культуре большей части общества. Вероятно, в будущем, в условиях более зрелой демократии и гражданского общества, конституционные изменения с целью перераспределения властных полномочий между президентом и парламентом станут возможными.

Подводя итоги, скажем, что действующая Конституция заложила основы политической модернизации государства и обеспечила определенную преемственность по отношению к предшествовавшему политико-правовому опыту, наиболее ценным достижениям имперской и советской эпох. На обозримый период приоритетом политического развития мы видим не в изменении Конституции, а в том, чтобы действия всех властных институтов на всех уровнях соответствовали конституционным нормам, а гражданское общество было способно обеспечить контроль за их соблюдением.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Конституция Российской Федерации. – Москва : Юрид. лит., 1993 г. – 64 с.
2. Конституция общенародного государства. – Москва : Политиздат, 1978 г. – 247 с.
3. Политическая история : хрестоматия. – Москва : МНЭПУ, 1993 г. – 324 с.

Поступила 11.10.2013 г.

Об авторе:

Доленко Дмитрий Владимирович, доктор политических наук, заведующий кафедрой регионоведения и политологии Историко-социологического института ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Россия), stamal@rambler.ru

Для цитирования: Доленко, Д. В. Конституция и Российское государство: политическая модернизация и историческая преемственность / Д. В. Доленко // Вестник Мордовского университета. – 2014. – № 3. – С. 33–38.

REFERENCES

1. Konstitucija Rossijskoj Federacii [Constitution of the Russian Federation]. Moscow, Juridicheskaja literature Publ., 1993, 64 p.
2. Konstitucija obshhenarodnogo gosudarstva [Constitution of a nationwide state]. Moscow, Politizdat Publ., 1978, 247 p.
3. Politicheskaja istorija. Hrestomatija [Political history. Anthology]. Moscow, MNJePU Publ., 1993, 324 p.

About the author:

Dolenko Dmitrij Vladimirovich, head of Regionology and Politology chair of History and Sociology Institute, Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia), Doktor Nauk degree holder in Political sciences, stamal@rambler.ru

For citation: Dolenko D. V. Konstitucija i Rossijskoe gosudarstvo : politicheskaja modernizacija i istoricheskaja preemstvennost' [Constitution and the Russian state: political modernization and historical continuity]. *Vestnik Mordovskogo Universiteta* – Mordovia University Bulletin. 2014, no. 3, pp. 33 – 38.